

Моим
племянникам
ДЖОРДАНУ
и ОСТИНУ

1

Кончики его пальцев скользили по спине, высекая искры блаженства и посылая волны дрожи по телу. Медленно, медленно нежные руки опускались все ниже, пока не замерли на изгибах бедер. Его губы сладострастно впились в шею, затем последовал новый поцелуй, чуть ниже, и еще один, и... Мы целовались, тесно прижимаясь друг к другу. Кровь во мне кипела, я чувствовала себя живой, как никогда. Я люблю его, люблю Кристиана так сильно...

Кристиана?

Ох, нет!

Одна часть меня, та, которая могла рассуждать логически, осознавала происходящее — и, черт возьми, была в бешенстве. Другая же часть принимала участие в слиянии тел, словно ласкали и целовали меня. Я настолько сильно погрузилась в сознание Лисы, что фактически это происходило со мной.

«Нет, — решительно говорила я себе. — Убирайся оттуда!»

Невозможно прислушаться к логике, когда каждая клеточка тела пылает огнем.

«Ты — не она! Уходи из ее головы!»

Его губы. Сейчас в мире не существовало ничего, кроме его губ.

«Это не он! Убирайся!»

Я помнила — поцелуи в точности такие же.

«Нет, это не Дмитрий! Уходи!»

Имя Дмитрия подействовало как холодный душ. Я вырвалась на свободу. Села на постели, чувствуя, что задыхаюсь. Ногами попыталась скинуть одеяло, но еще больше запуталась. Сердце неистово колотилось. Несколько раз я глубоко вдохнула, стараясь успокоиться и полностью вернуться в реальность.

Времена изменились. Когда-то я просыпалась от ночных кошмаров Лиссы, теперь меня будила ее сексуальная жизнь. Сказать, что между тем и другим мало разницы, значило ничего не сказать. Я научилась блокировать ее романтические интерлюдии — по крайней мере, в бодрствующем состоянии. Но сейчас Лисса и Кристиан (ненамеренно) провели меня. Во сне самоконтроль слабеет, и чересчур сильные эмоции моей лучшей подруги пробивают защиту, хочу я того или нет. Никакой проблемы не возникло бы, останься каждый из них дома и в своей кровати.

— Господи... — пробормотала я и села, свесив с постели ноги.

Неужели Лисса и Кристиан не могут потерпеть со своими ласками?

Так по-идиотски проснуться — еще не самое худшее; проблема в том, что я все еще чувствовала... Конечно, ничего на самом деле не было. Не моя кожа ощущала ласки, не мои губы ловили поцелуи. И тем не менее я ощущала утрату. Давно я не оказывалась в столь глупой ситуации. Тело ныло и горело от желания. Отчаянно захотелось, чтобы кто-нибудь просто прикоснулся ко мне. Но, уж конечно, не Кристи-

ан. Воспоминание о его губах вспыхнуло в сознании с новой силой. Мое спящее «я» было уверено, будто это Дмитрий целует меня.

Я с трудом встала, чувствуя беспокойство и... печаль. Печаль и пустоту. Стремясь стряхнуть с себя дурной настрой, я надела халат, тапочки и пошла в ванную. Сполоснула лицо холодной водой, посмотрелась в зеркало. Спутанные волосы и налитые кровью глаза не придавали очарования. Я выглядела невыспавшейся, но в постель возвращаться не собиралась, не хотелось рисковать. Пора как следует взбодриться и стряхнуть с себя воспоминания о пережитом.

Покинув ванную, я направилась в сторону лестницы и легко спустилась по ступеням. На первом этаже спального корпуса царили тишина и покой. Был почти полдень — полночь для вампиров, ведущих ночной образ жизни. Скрываясь за дверью, я выглянула в вестибюль. Он оказался пуст, если не считать зевающего мороза за конторкой портье. Он рассеянно листал какой-то журнал, сияясь не заснуть. Добравшись до конца журнала, он снова зевнул. Развернул вращающееся кресло, бросил журнал на столик и принялся рыться в поисках нового чтива.

Пока он сидел спиной ко мне, я метнулась к двери. Молясь, только бы она не скрипнула, я приоткрыла ее, совсем чуть-чуть, и выскользнула наружу. А потом закрыла, тоже очень осторожно. Никакого шума. Самое большее, парень мог почувствовать легкое колебание воздуха. Ощущая себя практически ниндзя, я вышла на дневной свет.

Холодный ветер ударил в лицо, но это было как раз то, в чем я нуждалась. Голые ветки качались от ветра, царапая каменные стены спального корпуса, словно огромные когти. Между свинцовыми облака-

ми проглядывало солнце, напоминая, что я должна находиться в постели и спать. Сощурившись от света, я плотнее закуталась в халат и обошла вокруг здания, выйдя к гимнастическому залу. От слякоти на дорожке мои тапочки промокли, но мне было все равно.

Да, стоял типичный скверный зимний день в Монтане — но для меня самое то. Морозный воздух бодрил и прогонял остатки виртуальной любовной сцены, заодно позволяя мне оставаться внутри собственной головы. Лучше сосредоточиться на промозглости и холоде, чем вспоминать, как руки Кристиана ласкали меня.

Я смотрела на маленькую рожицу, но на самом деле не видела ее и с удивлением почувствовала злость на Лиссу и Кристиана. Должно быть, приятно делать все, что душа пожелает. Лисса часто сожалела о невозможности проникать в мое сознание и чувства. Просто она не осознавала, насколько ей повезло. Понятия не имела, каково это — когда мысли другого человека вторгаются в твои, переживания другого человека смешиваются с твоими. На что это похоже — переживать чужую любовь, когда у самой ничего не складывается. Она не понимала, каково до боли в сердце переполняться любовью и не иметь возможности ее выразить. Похоронить любовь в душе — все равно что сдерживать гнев. Она просто пожирает тебя изнутри, доводя до сумасшествия.

Нет, Лисса ничего не понимает. И не нужно. Пусть продолжает наслаждаться собственными любовными переживаниями, независимо от того, как они отражаются на мне. Я заметила, что опять тяжело дышу, теперь от злости. Сентиментальные чувства, вызванные полуночным слиянием Лиссы и Кристиана, ушли. Их сменили гнев и зависть. Я прикладыва-

ла все усилия, дабы избавиться от таких эмоций, — неприятно испытывать их по отношению к лучшей подруге.

— Ты страдаешь лунатизмом? — произнес голос у меня за спиной.

Испугавшись, я резко обернулась. Там стоял Дмитрий, глядя на меня с веселым удивлением и любопытством. Чудная закономерность — пока я стояла тут, злясь на проблемы, порожденные отсутствием личной жизни, источник этих проблем нашел меня сам. Я не услышала его приближения. Вот тебе и ниндзя. И что мне стоило перед уходом расчесаться? Я торопливо провела рукой по длинным волосам, хоть и понимала, что опоздала с этим. Наверное, прическа напоминала воронье гнездо.

— Я проверяла охрану спального корпуса, — ответила я. — Увы, не на высоте.

Намек на улыбку заиграл на его губах. Меня по-настоящему начал пробирать холод, и я невольно подумала, каким теплым выглядело его длинное кожаное пальто. Вот бы завернуться в него...

— Ты, наверно, замерзла. Хочешь мое пальто? — сказал он, словно прочитав мои мысли.

Я покачала головой, хотя, по правде говоря, уже не чувствовала собственных ног.

— Все нормально. А ты что здесь делаешь? Тоже проверяешь охрану?

— Я и есть охрана. Сейчас мое дежурство.

Школьные стражи всегда по очереди патрулируют кампус, пока все спят. Стригои, эти не-мертвые вампиры, преследующие живых вампиров вроде Лиссы, не выносят солнечного света, но студенты, нарушающие правила — скажем, тайком покидающие спальные корпуса, — представляли опасность и днем и ночью.

— Ну, ты хорошо поработал, — сказала я. — Рада, что поучаствовала в проверке твоих удивительных способностей. А теперь мне пора идти.

— Роза...

Дмитрий сжал мое плечо, и, несмотря на ветер, холод и слякоть, меня окатила волна жара. Его рука чуть-чуть ослабила хватку — как будто он тоже обжегся.

— Что ты тут делаешь?

Это было произнесено с интонацией «хватит морочить мне голову». Ну, я и сказала ему ту часть правды, которую могла.

— Мне приснился плохой сон. Захотелось подышать свежим воздухом.

— И ты просто взяла и выскочила, даже не задумываясь о нарушении правил — и что неплохо бы надеть куртку.

— Да. Все верно.

— Роза, Роза. — На этот раз в его голосе звучало раздражение. — Ты не меняешься. Всегда действуешь не раздумывая.

— Неправда! Я сильно изменилась.

Он пристально разглядывал меня, уже без намека на улыбку, с выражением растущего беспокойства. Иногда возникало чувство, будто Дмитрий способен заглянуть прямо в душу.

— Ты права. Изменилась.

Все-таки признав произошедшие перемены, довольным он не выглядел. Наверное, думал о событиях трехнедельной давности, когда я и несколько моих друзей попали в плен к стригоям. Это было исключительным везением, что нам удалось сбежать. Увы, не все вырвались на свободу, погиб Мейсон, настоящий друг, который надеялся завоевать мою любовь. Никогда не смогу простить себя, хотя и прикончила его убийц.

С тех пор мое восприятие жизни стало более мрачным. Правда, теперь все в Академии Святого Владимира воспринимают жизнь в более мрачных тонах, но я в особенности. Люди начали замечать, что я стала другой. Однако мне не нравилось видеть Дмитрия таким озабоченным, поэтому я прервала его размышления шуткой.

— Да ладно, не волнуйся. Скоро мой день рождения. Как только мне стукнет восемнадцать, я стану взрослой, верно? Уверена, проснувшись в то утро, я сразу почувствую себя зрелой и все такое.

Как я и рассчитывала, его лицо смягчилось, на губах промелькнула улыбка.

— Да, я тоже в этом уверен. Когда, через месяц?

— Через тридцать один день, — объявила я.

— Ты что, их считаешь?

Я пожала плечами, и он рассмеялся.

— Надо думать, список подарков у тебя уже готов. Сколько он занимает? Десять страниц через один интервал? В порядке значимости?

Улыбка все еще играла на его устах — расслабленная, искренне веселая, очень редкая гостья для моего наставника. Я хотела продолжить разговор в том же шутливом тоне, но внезапно в сознании вспыхнули образы Лиссы и Кристиана. Ощущение печали и внутренней пустоты вернулось. Все, чего я могла бы пожелать, — новые наряды, айпод, да что угодно, — внезапно показалось таким банальным по сравнению с тем, чего я хотела больше всего. Господи, я и в самом деле изменилась.

— Нет, — ответила я еле слышно. — Нет никакого списка.

Он слегка наклонил голову, чтобы лучше видеть меня, и волосы скрыли его лицо. Они у него темные, наподобие моих, но все же чуть светлее. Мои иногда

кажутся совсем черными. Он отбросил с лица непослушные пряди, но они тут же упали обратно.

— Не верю. Неужели ты ничего не хочешь? Скучный будет день рождения.

«Свободы», — подумала я.

Единственный дар, которого я страстно желала, — свободу, и делать выбор по своему усмотрению, и любить, кого хочу.

— Не имеет значения, — сказала я.

— Ты...

Он не договорил, потому что понял, он всегда меня понимал. Отчасти поэтому между нами и возникла некая связь, несмотря на семилетнюю разницу в возрасте. Мы влюбились друг в друга прошлой осенью, когда он стал моим инструктором. Притяжение между нами накалялось, и вскоре выяснилось, что у нас есть и другие поводы для беспокойства, кроме разницы в возрасте. После окончания Лиссой Академии мы оба должны стать ее стражами и не сможем совмещать личную жизнь с работой. Ведь она высший приоритет.

Конечно, легче сказать, чем сделать, поскольку чувства, испытываемые друг к другу, никуда не делись. У нас обоих бывали моменты слабости, моменты, заканчивающиеся запретными поцелуями или словами, которые не должны были прозвучать. После моего бегства от стригоев Дмитрий признался, что любит меня и поэтому никогда не сможет быть ни с кем другим. Тем не менее ситуация в целом не изменилась. Мы по-прежнему не могли быть вместе и потому вернулись к первоначальной манере поведения — избегать друг друга и делать вид, будто наши отношения носят исключительно профессиональный характер.

— Ты можешь отрицать сколько угодно, но я знаю, тебе холодно. Возвращайся в кампус. Я про-

веду тебя, — попытался он незаметно сменить тему разговора.

По правде говоря, я немного удивилась. Дмитрий редко уклонялся от обсуждения неудобных тем. Фактически он был печально известен тем, что втягивал меня в разговоры, которые я не хотела вести. Но обсуждать наши бесплодные, зародившиеся под несчастливой звездой отношения? По-видимому, сегодня он не хотел. Да. Многое определенно изменилось.

— Думаю, замерз ты, — поддразнила его я, когда мы возвращались к спальному корпусу новичков. — С чего бы, учитывая, откуда ты родом?

— Вряд ли ты правильно представляешь себе Сибирь.

— Эту холодную, дикую местность?

— Ну, твое представление определенно не соответствует действительности.

— Ты скучаешь по ней? — спросила я, оглянувшись на него.

До сих пор подобная мысль никогда не приходила мне в голову. По моим представлениям, все хотели бы жить в США... или, по крайней мере, не хотели бы жить в Сибири.

— Все время, — с тоской в голосе ответил он. — Иногда я жалею...

— Беликов!

Голос, принесенный ветром, прозвучал за нашими спинами. Дмитрий пробормотал что-то и толкнул меня за угол, который мы только что обогнули.

— Спрячься.

Я скрылась среди кустов барбариса, растущих позади дома. Ягод на них не было, но плотно растущие колючки царапали неприкрытую кожу. Ну, по